

Сергей Герасимов

Психология зла

Сергей Владимирович Герасимов
Психология зла

Авторский вариант
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156433

Содержание

ГЛАВА 1	7
1.1. ЭФФЕКТ МАЯТНИКА	7
1.2. ЗЛО КАК БОЛЕЗНЬ.	12
1.3. ЗАРАЖЕНИЕ ИДЕЕЙ. ЛИХОРАДКА.	17
1.4. СРАЗУ ПОСЛЕ ЗАРАЖЕНИЯ. БЕССИМПТОМНАЯ ФАЗА.	26
1.5. СТЫД КАК ПРИВИВКА ОТ ЗЛА.	32
1.6. ИММУНИТЕТ КО ЗЛУ	45
1.7. ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАРАЖЕНИЯ И ОТВРАЩЕНИЕ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Герасимов

Психология зла

Зло привлекает – как раз поэтому большинство из вас открыли книгу под названием «Психология зла» и прочли первые строки.

Чем может быть эта книга? Скучной монографией или сборником статей с десятью тысячами сносок, пояснений и примечаний? Но зло слишком живое, оно не поместилось бы в такую книгу.

Эзотерическим трактатом? Нет. Зло слишком явно и ясно присутствует в каждой капле нашей жизни – закутанное в туман, оно стало бы непохожим на себя.

Никто не знает, что такое зло, но зато каждый чувствует его совершенно отчетливо, – его ни с чем не спутаешь, даже малое зло, причиненное нам и не замеченное сразу, спустя время будет болеть как синяк.

Сборником нравоучений? Но и так достаточно туповатых учителей жизни, необедительно доказывающих на все лады что быть плохим это плохо, а хорошим – лучше.

Теологическим исследованием, может быть? Но зло – слишком уж земной цветок, чтобы объяснять его небесными вихрями. Зло живет в душе, это правда, но оно больше похоже не на демона, а на вирус герпеса, который всю жизнь прячется в нашем мозге и нервах, часто вылезает на кожу в

виде маленькой лихорадки у губы или носа, но иногда может запросто убить.

Пересказом личного опыта закоренелого садиста? – но такой человек состоит в слишком близких отношениях со злом, он не может увидеть зло объективно и со стороны, – так же хирург не может делать операцию самому себе. Да и привлекла бы такая книга лишь извращенцев.

Это книга о каждом – о вас и обо мне. О том зле, что схоронилось в каждой складке жизни. О зле, как ежеминутной властительной силе, такой же безличной и сверхмогущей, как сила трения, – силе, которую нельзя отменить или заклясть, но можно познать. Той силе, которая мешает каждому из нас быть счастливым. Той силе, которая превращает жизнь каждого человека в драму, трагедию или страшилку.

Жизнь ведь всегда трагедия и не раз и не два каждому из вас еще придется воскликнуть: Господи, почему? За что? Почему именно я? – еще и поэтому вы открыли книгу под названием "Психология зла".

В книге много примеров. Они используются не как доказательства, а как иллюстрации. Большая их часть – это примеры-признания. Не все они принадлежат разным людям. Практически каждый такой пример – это не дословная запись, а пересказ, сделанный через некоторое время после признания. Когда рассказывают о себе такие вещи, это всегда получается случайно, это не интервью с блокнотом в ру-

ке. Я старался сделать пересказ как можно точнее и, во всяком случае, четко передать все существенные детали. Я думаю, что мне это удалось. Некоторые детали были изменены, из этических соображений. И лишь немногие примеры, например, признания будущего убийцы-садиста, записаны точно, даже с сохранением орфографии.

Большинство примеров – это признания мужчин и только некоторые сделаны женщинами; с этим недостатком мне пришлось смириться.

Эта книга – исследование, но не строгое научное исследование со стройными рядами оскалившихся формул. Мне больше нравится гуманитарный подход к человеку – ведь подойдя иначе, чувствуешь себя так, будто пьешь воду через нос. Я не избегал образного изложения и метафор, поэтому текст местами становился почти текстом художественного произведения. Вам судить, недостаток это или достоинство. Я хотел написать хорошую книгу, вот и все.

Настоящая книга должна вызывать чувство легкого ужаса или хотя бы замешательства перед истиной. Впечатление от нее, мне кажется, должно напоминать впечатление того жителя Хиросимы, который за секунду до взрыва нырнул в реку, а вынырнув, увидел вокруг совершенно иной мир, и понял, что старого мира уже нет. Пусть не совсем так, но хотя бы на долю процента – погрузившийся в книгу, должен вынырнуть в изменившемся мире. Я надеюсь, что хотя бы кто-то из вас почувствует это изменение.

ГЛАВА 1

ЧЕЛОВЕК И ИДЕЯ

1.1. ЭФФЕКТ МАЯТНИКА

Начнем с эксперимента.

Попробуйте представить себе огромный маятник длиной во много километров.

Просто сосредоточьтесь и представьте. Нить спускается из облаков и на ней висит тяжелый шар величиной с дом. Когда я представляю это, то обычно вижу трос и на нем глыбу темного свинца – все это яркой лунной ночью, яркой, как негатив солнечного дня – такой светлой, что, кажется, даже можно читать газету. Вокруг поздняя осень или ранняя зима, широкое пустое поле, несколько голых деревьев, темные домики и деревянная церквушка вдалеке. И над всем этим свинцовая глыба на нити: многокилометровый маятник. Впрочем, пейзаж можете представить любой, это дело вкуса. Только постарайтесь, чтобы образ был ярким. В этом вся суть.

Затем качните маятник и продолжайте раскачивать. Первая вещь, которую вы сразу же замечаете: маятник, совсем как настоящий, раскачивается медленно и постепенно, во

всяком случае, не хочет идти в первые колебания, он тяжел и инертен, нить вздрагивает, гудит, маятник сопротивляется, но наконец проходит первую медленную дугу. Раскачиваем дальше. Вот уже тяжелый шар летит, рассекая воздух, со свистом, и ветви деревьев гнутся, чувствуя движение раздвигаемого воздуха. Посмотрите внимательно за ним несколько колебаний. Просто посмотрите.

Вот оно – чистейшее создание ума, идеал бесплотности, нечто, что не существует, не существовало и не будет существовать – более того, нечто такое, что не может существовать – вдвойне несуществующее. Чистая игра разума. Чистая идея.

Чистое ничто. А теперь МГНОВЕННО остановите его – пусть он зависнет неподвижно.

Попробуйте это сделать.

Ну как, получилось? Маятник сопротивляется. Маятник, если вы его хорошо вообразили, не остановился. Он продолжает свое качание. И сколько бы раз вы ни пробовали заставить его замереть в пространстве, он уходит от предназначенной точки, не подчиняясь вам.

Есть несколько способов «якобы» остановить его. Можно представить маятник, заснятый на киноленту – вдруг пленка останавливается, замирает кадр. Да, кадр замер, но оригинал ведь продолжил движение. Посмотрите не на пленку, а на маятник – он все так же качается. Попробуйте поставить преграды на его пути, даже поставьте бетонную стену – он

их снесет. Можно, конечно, подставить гору, шар ударится, успокоится и ляжет на нее – но ведь это уже не маятник, а просто шар, лежащий на земле. Маятник вы так и не остановили. Он не подчиняется вам.

Сосредоточившись, вы ясно ощутите его сопротивление.

Но это мелочь, это совсем не важно. Какое же это может иметь значение для жизни? – спросите вы. Примерно такое же, как первая трещина для плотины или для горной лавины первый покотившийся камешек.

Задумайтесь: создание нашего ума, абсолютно бесплотное, вдвойне несуществующее, только родившись, сразу же не подчиняется нам? Но как же так может быть? Не подчиняется своему отцу и хозяину? Впервые я представил маятник лет пятнадцать назад. Время от времени я вспоминал о нем. Все эти годы он продолжал качаться. Когда я вспоминаю о нем и представляю его, он качается, как качался и раньше. Он не остановится никогда. Он не остановится даже несколько поколений спустя, потому что я рассказал о нем людям и сейчас он качается внутри их воображений. Он почти бессмертен и НЕ ПОДЧИНЕН МОЕЙ ВОЛЕ. Он, чистая идея.

Я выдумал его, а он сразу же обрел собственную жизнь.

Вы думаете, что так обстоит дело лишь с идеей большого маятника? Ничуть.

ЛЮБАЯ ИДЕЯ, ЕДВА РОДИВШИСЬ, УЖЕ НЕ ПОДЧИНЯЕТСЯ СВОЕМУ СОЗДАТЕЛЮ. Она сильнее своего "хо-

зьяна". Назовем это эффектом маятника.

Идея вступает в свою собственную жизнь, не подчиненная нам. Так было с идеей каменного топора. Где-то кто-то на опушке древнего леса нагнулся, взял в руки камень, ударил по нему другим камнем и использовал орудие как топор. Идея топора, родившись, обрела собственную особую жизнь и продолжила ее в тысячелетиях – вырубая леса, защищая, как алебарда, и снося головы, как гильотина. Кстати, изобретатель гильотины окончил жизнь под ножом своего детища – и его идея тоже не подчинилась ему. Наполеон нянчился с идеей завоевания, и эта же идея его и погубила. Идеи Христа подняли его на крест. Вот разве что Галилей успел сбежать от своей идеи, которая уже открыла над ним клыкастую пасть и облизнулась. А идея пролетарской революции? Не она ли сгубила большинство революционеров, вкуче с контрреволюционерами? А, возможно кровожаднейшая из идей, идея свободы-равенства-братства? Сколько людей она сожрала? А идея атомной бомбы? Сколько ни пытается человечество подчинить эту вредную идею себе, этого никогда не удастся сделать. Потому что идеи бессмертны и неподвластны никому, кроме собственной логики развития.

Столько людей было уничтожено казнями и сломлено пытками за протекшие тысячелетия, столько книг было сожжено, столько разрушено памятников и сокрыто улики – но была ли уничтожена, вырвана с корнем при этом хотя бы одна идея? Даже самая вздорная? Что значит и к чему при-

водит эта пугающая жизнеспособность и способность к распространению? – идеи расползаются среди людей, как чернильные пятна на промокашке. Идеи сжигают нас, как лесной пожар.

Идея поражает нас как болезнь, от которой нет лекарства.

1.2. ЗЛО КАК БОЛЕЗНЬ.

ПРИМЕР 1. Преследование упрямых

Нашим любимым занятием было преследование жертвы. Жертву мы намечали заранее, из тех, которые привлекали внимание, например, были некрасивыми, хилыми, смешными, злыми, с разными физическими недостатками или упрямыми. Больше всего нам нравилось преследовать упрямых или заикающихся. Мы начинали с мелких приставаний или издевательств, чтобы для начала он запомнил нас в лицо и стал бояться. Выбирали только мальчиков, девочки в этом плане для нас не существовали. Один раз попробовали пристать, но оробели. Просто один оробел, а остальные удивились, так и не вышло. Потом переходили к сильным способам: всякое вымогательство, порча вещей, вполне просто так, нам нравилась в этом деле именно игра. Если получалось выманить немного денег, не отказывались. Были такие, которые пробовали от нас откупиться. Но конечно, не откупались. Нам надо было заставить его жить в постоянном страхе, мы хотели полного подчинения, и его добивались. Я еще тогда понял, что непрерывного страха люди не выносят, они согласны на все, чтобы избавиться от этого состояния. Поэтому мы не спешили, а растягивали удовольствие. Один

как-то пошел на нас с палкой, но мы его обломали, может быть даже слегка искалечили. Потом он исчез из нашего района, мы искали, но не нашли. Только в самом конце процедуры, месяцев через несколько, мы переходили к чисто болевым средствам воздействия, с каждым по-разному, одного например, всякий раз загоняли в переулок и там по очереди били его лбом о стену. Это было с упрямым. Он все равно продолжал упрячиться, вырываться и ругать нас. Его мы так и не сломали. Но это исключительный случай. Обычно мы бросали и забывали наши жертвы после того, как выжимали из них все соки – когда они теряли остатки человеческого достоинства. Нас это удовлетворяло. Наверное этого мы добивались, хотя мы не знали, чего добиваемся.

Мы просто делали так, потому что не могли иначе. За следующие годы ни одна из наших прошлых жертв не пробовала отомстить. Однажды я встретил одного такого, когда учился курсе примерно на третьем. Он очень изменился, но мы друг друга узнали. У меня не было к нему ни малейшей враждебности, я просто удивился, что из скулящей дряни он стал обычным человеком. В то же время мы также любили загонять и забивать палками собак, но не любых собак, а всяких противных трусливых болонок, которые от страха лаяли на нас и продолжали злобно визжать до самой своей смерти. Если бы они смирились и сдались, мы бы их отпустили. Они сами были виноваты во всем. Как и тот упрямый, который предпочел простучать своим лбом по каждому кирпичу.

Человек, которому принадлежат эти слова, был самым рьяным участником той компании. Сейчас он благополучен. Он был благополучен и до того, и после. Он не негодяй, а даже напротив – довольно добрый и чуткий человек. Никто из людей, которые близко знают его сейчас, не смог бы и предположить, что он способен на такое. Сейчас ему около сорока и его дети неплохо воспитаны. Никогда, даже в те дни, он не замечал за собой особенной злобности. Эпизод, о котором он рассказал, длился в его жизни около года, при этом вроде бы возник из ничего, на пустом месте, и ни к чему не привел. Что-то «нашло». Правда, его товарищам повезло меньше: один из них сейчас алкоголик, другой сидел в тюрьме, об остальных ничего неизвестно. Такое впечатление, что этот человек **ПЕРЕБОЛЕЛ**

НЕПРИЯТНОЙ БОЛЕЗНЬЮ и затем выздоровел. Другие не выздоровели или выздоровели не полностью. Возможно, кто-то до сих пор испытывает последствия той болезни, а кто-то приобрел стойкий иммунитет.

Сходство безнравственного поведения с болезнью проявляется во многом, и вскоре мы это увидим. Но зло – это не болезнь тела и не помрачение рассудка, это что-то принципиально иное. Это не сумасшествие и не бешенство, скорее, это **МОРАЛЬНАЯ** болезнь, которой можно **ЗАРАЗИТЬСЯ**, которой можно **ПЕРЕБОЛЕТЬ**, от которой можно **ВЫЗДОРОВЕТЬ** или **УМЕРЕТЬ**.

Термины «заболеть» идеей, «заразиться» страхом, «заражение» ненавистью, выражения типа "микроб тщеславия" постоянно встречаются в книгах по психологии, как в серьезных, так и в популярных, но встречаются в кавычках. Так что идея о сходстве зла с болезнью не нова, существуя в неявном виде, она уже давно владеет умами. Самое раннее упоминание о заражении злом, которое мне встретилось, относится ко второму веку до нашей эры.

Но если продолжить аналогию зла с болезнью, тем более, с такой болезнью, которая легко передается от человека к человеку, то сразу встанет вопрос: А что является переносчиком этой болезни? Невидимый грибок, вирус, бактерия, амeba, вибрион, палочка или, может быть, мелкое насекомое или червь? Конечно же нет.

Единственным заражающим агентом может быть ИДЕЯ – идея зла.

Все мы знаем, что «заболеть» идеей просто. Один копит деньги, чтобы поехать в горы – он «заболел» этой идеей. Другой пытается попасть в книгу рекордов и для этого рискует жизнью – его болезнь смертельно опасна. Третий хочет совершить государственный переворот – этот тяжело болен каким-нибудь политическим "-измом". "Если враг не сдается, его уничтожают", – под гипнозом этой фразы совершены тысячи, если не миллионы убийств. Человек еще не успел задуматься, а простой афоризм ненависти уже выскочил из памяти и орет во весь голос: делай так!!! Несколько совершен-

но необоснованных слов воспринимаются как обязательное руководство к действию.

Можно «заболеть» любой идеей – хорошей, плохой или нейтральной. Причем в слове «заболеть» гораздо больше правды, чем это может показаться на первый взгляд.

1.3. ЗАРАЖЕНИЕ ИДЕЕЙ. ЛИХОРАДКА.

Сходство есть даже в словах. Человек, заболевший идеей, «горячится», «горит», ему советуют «не пороть горячку». С другой стороны, горячка, или повышение температуры, сопровождает острое начало многих заболеваний: тот момент, когда человеком овладевает ИНФЕКЦИЯ. Или тот момент, когда человеком овладевает ИДЕЯ. И то, и другое начинается горячкой.

Вспомните, как ведет себя маленький ребенок, увидевший в магазине красивую игрушку. Еще минуту назад он был спокоен и игрушка была ему совершенно не нужна. Но вот он видит ее, удивляется и требует купить. Он горячится. Если мать отказывается, то его желание только усиливается, он начинает хныкать, настаивать или даже устраивает истерику. Что происходит дальше? Мать, скрепя сердце, покупает игрушку и с этого момента эмоции ребенка начинают затухать.

Придя домой, он играет с новым своим сокровищем, на следующий день тоже играет, но уже не так охотно, а затем забрасывает его совсем. Все – теперь он "переболел" и выздоровел. До тех пор, пока не увидит в магазине новую игрушку и снова "загорится".

Так же ведет себя и взрослый человек, с той только раз-

ницей, что его эмоции не столь заметны и он умеет сдерживать свои желания. Если продолжить аналогию с болезнью, то можно сказать, что у него уже выработан определенный иммунитет. Как ходит по магазинам женщина (предположим, женщина, которая не стеснена в средствах)? – Она тоже загорается, увидев, к примеру, красивое платье и даже забывает, что собиралась купить не платье, а браслет. И даже если у нее дома восемь красивых платьев, она может купить девятое. Из чистой прихоти. Так ребенок коллекционирует игрушки, которыми потом почти не играет.

И мужчина ведет себя подобным образом. Наткнувшись на вещь, которая ему понравилась, но которая только что абсолютно не присутствовала в его мыслях, он "задумывается". Размышление это на самом деле – просто самооправдание: он подбирает причины, по которым должен это купить. Если он выдумает достаточное количество причин (или одну вескую), он покупает. И совершенно не думает о том, что если бы он прошел по другой улице и не увидел данной вещи, то не было бы ни каких причин совершать покупку. Идея овладевает человеком и заставляет его "погорячиться".

Горячка при обычной болезни может сопровождаться головной болью, расстройством сна и, если температура очень высокая, даже расстройством сознания. Нарушения сна обычны и для «идейной» горячки: можно плохо спать, предвкушая исполнение заветного желания. А расстройство сознания или, по крайней мере, расстройство логики мыш-

ления при «идейной» горячке просто бросается в глаза.

Человек, погорячившись, может принять решение явно в ущерб собственным интересам – например, истратить на ненужную покупку деньги, которые были совершенно необходимы для чего-то другого. При этом мысленный процесс часто сводится к оправданию решения, которое уже ПРОДИКТОВАНО ИДЕЕЙ. Человек уже заражен идеей и идея заставляет его искать оправдание поступку. И если обдумать свои действия позже, то понимаешь, что действительно знал ответ заранее, а оправдательные доводы не выдерживали разумной критики. Но тогда, в тот момент, они казались достаточными.

В следующем примере молодой человек, погорячившись, принял решение, которое едва не изменило его судьбу.

ПРИМЕР 2. Пойдем в солдаты.

Однажды со мной случилась странная вещь. Я заканчивал университет и в плане учебы все было в порядке, более или менее. Не могу сказать, что мне нравилось учиться, было тяжело. Особенно тяжело было сдавать экзамены – эта забубенная подготовка, нет ничего хуже. Будущая профессия меня тоже не очень привлекала. Но в противном случае грозила армия – и еще это удерживало меня. В один весенний день, примерно за месяц до экзаменов меня осенило, я подумал: а что такого плохого в армии? Я, само собой, не ве-

рил рассказам о том, что армия, мол, делает настоящих мужчин, что быть солдатом и хранить мир это героизм, но почему-то мне представилось, что в армии легче, чем сдавать экзамены. Мозги отдыхают – это уж точно, точнее не придумаешь. Был очень сырой день, с небольшим дождем, но я сел на скамейку и стал выдумывать разные причины по которым должен бросить университет ради армии. Выдумал причины для себя, для родственников, для друзей и для замдекана, потом грустно принял решение, сказав себе, что это самое логичное и правильное в данной ситуации. Я даже сказал себе, что у меня нет другого выхода. Я собрался подавать заявление и уже подумывал о формулировках. Но когда я пришел на вторую пару, оказалось, что ее отменили. Это мне так понравилось, что тяжелое решение отложилось на неопределенный срок, а потом вообще выветрилось. Теперь я не могу понять, как нашло на меня такое затмение.

Особенно тяжелый характер принимает горячка, если у человека вообще нет времени подумать. В этом случае логическое мышление может не только растравиться, но и полностью разрушаться.

Малолетний хулиган, увидав на вечерней улице врага (живет на чужой улице или вообще принадлежит к другой банде), ведет себя так же, как и истеричный ребенок в магазине игрушек. Он не думает, он не взвешивает, он охвачен горячей чувств. Он достает нож и вступает в схватку. В резуль-

тате оба противника попадают в больницу с ножевыми ранениями. Сразу на операционный стол – зашивать. Вы слышали когда-нибудь, что говорит такой субъект на операционном столе, еще не усыпленный наркозом? Говорит ли он на том языке, которым пользуются здоровые люди? – нет. Может быть, он изливает потоки грязной брани или клянет судьбу? – тоже нет. Он нечленораздельно воеет, издавая абсолютно звериные звуки. В этих звуках нет ни намека на искру разума. Так не может выть собака – собака достаточно разумное животное. Немного это напоминает вой быка, которого забивали молотом по лбу, но не убили с одного удара. Еще это похоже на стоны предельно пьяного и к тому же очень злого человека. Остались лишь чувства – чувства, которые погасили разум.

Увы, многие военные подвиги так же совершаются в состоянии лихорадки.

Человек бросается под пули не от того, что он боготворит мерзкого вождя, пославшего его на бойню – а от того, что разум его гаснет, а воспаленные чувства слепо толкают куда-то вперед.

Лихорадку вызывают не только какие-нибудь особенные, редкие идеи, но и вполне обычные, приходящие к нам на ум ежеминутно. Часто мы делаем не то, что нужно, а то, что "взбредет в голову". Человек стоит на остановке троллейбуса и ждет, изнывая, уже минут сорок. Но вот появляются сразу два троллейбуса. И что же он делает? – он следует случайной

идею: сесть во второй, потому что там будет меньше народу. Еще минуту назад он был согласен уехать как угодно и на чем угодно, а теперь долгожданный троллейбус его не устраивает. Он пропускает первый троллейбус и собирается сесть во второй. Но второй, оказывается, идет в депо – и несчастный остается на холодной остановке, проклиная свою непоследовательность. Вот такое умственное прескакивание с хорошего на лучшее можно наблюдать у самого себя по нескольку раз в день, при достаточной наблюдательности. Назовем это, условно, "эффект троллейбуса". Приведу еще пару обычных примеров его проявления.

Женщина идет на рынок, чтобы купить клеенку. Ее устраивает ЛЮБАЯ. Но вот, среди большого выбора клеенок, она видит одну, по ее мнению, лучшую. К сожалению, лучшей клеенки остался только маленький кусочек. Что же эта женщина делает дальше? Покупает другую? Нет – она начинает обходить рынок в поисках той клеенки, которая приглянулась. Не находит и в конце концов не покупает ничего вообще. То есть очень простая цель похода на рынок – купить любую клеенку – оказалась недостигнутой.

Женщина идет на рынок, чтобы купить продуктов. Увидев, например, мясо по удивительно низкой цене она – как вы думаете? – конечно, она его не покупает, хотя и цена, и качество продукта ее вполне устраивает. Она заражается идеей о том, что цены на рынке сегодня низкие и, раз встретила такая низкая цена, то можно найти и еще ниже. И она остав-

ляет продукт, который ей идеально подходил.

После часа бесполезных скитаний по рынку она возвращается, но дешевое мясо уже все распродано.

Между количеством находящегося в распоряжении населения оружия и числом убийств есть тесная и очень простая зависимость. С ростом обладания оружием количество убийств возрастает. Большинство убийств не имеют связи с другими насильственными преступлениями, это просто столкновения, которые развиваются из ссор между родственниками, друзьями или знакомыми, то есть совершаются в пылу борьбы "за справедливость". В этих ситуациях как раз и применяется оружие, причем без оглядки на опасность для жизни.

Вопрос: а почему без оглядки? – Ответ: да потому что "в пылу".

Итак, тот, кто заражается идеей, может "в пылу" совершать поступки, которых бы никогда не совершил в спокойном состоянии. Запомним это как эффект лихорадки. Кстати, английское fever (лихорадка) одновременно означает и жар, и нервное возбуждение.

Еще несколько примеров.

Во время ссоры одному из супругов приходит в голову особенно колючая фраза, бьющая в самое больное место – и он произносит ее, он не может удержаться, несмотря на то, что предчувствует последствия. И он видит, как меняется в один момент лицо любимого человека и он клянет себя за

эту фразу, но уже ничего не поправишь.

Молодой преподаватель готовится к каждой лекции, как студент к экзамену – и лекция идет в нужном направлении, как вагон по рельсам. Но вот, посередине стандартной фразы ему в голову приходит новая идея и он сворачивает в сторону и начинает без подготовки говорить о том, о чем совершенно не собирался.

Только что я начал читать статью, в которой меня интересовало всего несколько фраз – но увлекся и дочитал до конца, хотя продолжение и не имело никакого отношения к моей работе. Просто потому, что наткнулся на слово, которое сработало, как спусковой крючок.

И так далее. В случаях СИЛЬНОЙ "идейной горячки" человек испытывает совершенно особенное чувство, сродни УПОЕНИЮ. "Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю..."

Бой действительно может быть упоительным. Однокоренные слова: пить, упиться, напиться пьяным – то есть потерять разум. И радость есть в бою: "И он промчался пред полками, могущ и радостен, как бой..." И есть ощущение собственной силы. В момент лихорадки исчезает страх, вина, чувство ответственности, все то, что могло бы блокировать ненужное поведение – ты словно поднимаешься на волне и волна тебя несет, становишься выше других и себя самого в нормальном состоянии, ты как будто таран, который может снести любые стены.

Время течет течет по иному. Ты видишь вещи ярче и отчетливее. Если ты нападаешь, то то чужая боль меняет знак: она становится приятной. В лучшем случае это называется вдохновением или упоением. В худшем – это амок или слепое бешенство. Фанатик-террорист может быть счастлив, даже взрывая бомбу прямо у себя под ногами.

1.4. СРАЗУ ПОСЛЕ ЗАРАЖЕНИЯ. БЕССИМПТОМНАЯ ФАЗА.

ПРИМЕР 3. СПИД

В течение нескольких недель после инфицирования СПИДом большинство людей испытывают неспецифические симптомы, такие как лихорадка (повышенная температура), головная боль и чувство неясного дискомфорта. Эти симптомы продолжаются около двух недель. В течение этой фазы вирус СПИДа активно размножается, мутирует, распространяется с кровью и проникает во все органы тела. В этот период больной очень заразен. Затем начинается следующая фаза – бессимптомная, которая может продолжаться десять лет или более. В это время человек выглядит практически здоровым. И затем наступает первая опасная для жизни фаза болезни.

Многие инфекционные болезни развиваются так же: после недолгой лихорадки организм приспособливается и некоторое время болезнь не проявляет себя. А что происходит при заражении идеей?

Это несложное наблюдение заняло у меня около пяти лет.

Ученикам шестого класса (возраст – примерно двенадцать лет) в летнем трудовом лагере я рассказал сказку вполне детского содержания, что-то о мальчике и драконе. Сказка могла бы быть действительно интересной примерно для десятилетних детей. Шестиклассники воспринимали ее с умеренным интересом. Я не закончил рассказывать и пообещал, что продолжение будет "когда-нибудь потом". В первый момент дети "погорячились", требуя продолжения, но вскоре остыли. Пять лет спустя те же дети учились в выпускном классе, и вот как-то раз один из них случайно вспомнил о незаконченной сказке. Реакция была неожиданно бурной. Все в один голос стали требовать продолжения, причем «горячились» сильнее, чем пять лет назад. Я сказал, что забыл продолжение, но это не помогло. Тогда я объяснил, что сказка интересна лишь для маленьких детей, но и это не помогло. Пришлось предложить следующее соглашение: если хоть кто-нибудь вспомнит, о чем была сказка, я расскажу, чем она закончилась. Никто не вспомнил – содержание начисто забылось, как забывается и многое другое за годы. Но не забылась сама ИДЕЯ – она ничуть не потускнела и даже стала ярче. ЧЕЛОВЕКА, «ЗАБОЛЕВШЕГО» ИДЕЕЙ, ВРЕМЯ НЕ ЛЕЧИТ.

Как не лечит время СПИД, туберкулез или любые другие инфекционные болезни.

Однажды у меня на столе стоял кинопроектор и лежали цветные стеклышки.

Девушка примерно семнадцати лет начала этими стек-

лышками играть, совершенно по детски. Она смотрела сквозь стеклышки на разные предметы, подбирала красивые цвета и т. п. Она даже не замечала, что ведет себя не по возрасту.

Неделю спустя я сам предложил ей цветные стеклышки. "Ну вот еще! Что я, маленькая?" – возмутилась она. В данном случае идея заразила человека очень давно, в детском возрасте и бессимптомно существовала более десяти лет – примерно как вирус СПИДа. Затем проявила себя, исчерпала и исчезла. А сколько таких скрытых идей живет в каждом из нас и на какие поступки они могут нас толкнуть?

Например, я собираю редкие и красивые кактусы – только потому, что двадцать семь лет назад мне подарили простенький кактусовый отросток. Отросток прижился, потом умер. А идея прижилась и никогда не умрет. Из-за подобных чепуховых вещей люди могут выбрать себе профессию на всю жизнь, могут становиться алкоголиками или наркоманами. "Вот молодец, пьет и не пьянет!", – говорят друзья о четырнадцатилетнем мальчике. Он слышит эти слова и потом забывает. Но проходит время и в сорок пять он окончательно спивается.

Неизвестно, как бы сложилась его судьба, если бы те слова не были сказаны.

Случайно сказанное слово – а точнее, идея, которая за ним стоит, ломает хребты человеческим судьбам. "Ждем от тебя новой "Педагогической поэмы", – так написали друзья

первокурснику-педагогу, который не собирался становиться учителем. И он проработал учителем до конца своих дней. А ведь заниматься не своим делом также удобно и приятно, как играть на пианино в боксерских перчатках. А заниматься не своим делом всю жизнь? И сколько же таких изувеченных судеб вокруг нас?

ПРИМЕР 4. (Цитата) Ступенька омнибуса. Анри Пуанкаре.

В эту пору я покинул Кан, где я тогда жил, чтобы принять участие в геологической экскурсии, организованной Горным институтом. Среди дорожных перипетий я забыл о своих математических работах; по прибытии в Кутанс мы взяли омнибус для прогулки; и вот в тот момент, когда я заносил ногу на ступеньку омнибуса, мне пришла в голову идея – хотя мои предыдущие мысли не имели с нею ничего общего, – что те преобразования, которыми я воспользовался для определения фуксовых функций, тождественны преобразованиям неэвклидовой геометрии. Я не проверил этой идеи; для этого я не имел времени, так как, едва усевшись в омнибус, я возобновил начатый разговор, тем не менее я сразу почувствовал полную уверенность в правильности идеи. Возвратясь в Кан, я сделал проверку; идея оказалась правильной. [...]

Прежде всего, поражает этот характер внезапного прозрения, с несомненностью свидетельствующий о долгой пред-

варительной бессознательной работе...

«Заболевание» идеей, как и заболевание инфекционной болезнью некоторое время протекало бессимптомно. В этот период идея распространялась, укрепляла свои позиции и, наконец, полностью проявилась. В данном случае – проявилась внезапно, как озарение.

Очень простое наблюдение бессимптомной фазы может провести каждый из вас. Допустим, вы разговариваете и вдруг сообщаете своему собеседнику некоторую неожиданную мысль. Если он понял вас, то на мгновение отведет взгляд и замрет. Пауза продолжается одну-две секунды. И только после этой паузы он продолжает говорить. Если паузы не было, значит, ваша мысль не нова или собеседник ее не понял. Так можно довольно точно определить, внимательно ли вас слушают и задевают ли кого-то ваши слова.

Однажды мне пришлось идти вечером сквозь неосвещенный парк и мне преградили дорогу четверо очень темных личностей. Сила была на их стороне и до освещенной дороги оставалось метров пятнадцать. Я протянул руку тому из них, который казался главарем и представился, и сразу же спросил: "Что ты об этом думаешь?"

Он замер, как будто превратился в ледяную глыбу. За время этой паузы я прошел мимо него и сделал несколько шагов в сторону светлой аллеи. Это спасло положение. Идея моего поступка была совершенно нова для этого крупнотелого по-

лудебила с родимым пятном в пол-лица – и поэтому он не смог действовать сразу.

Нужна пауза, чтобы переварить идею.

Необходимая пауза после восприятия новой идеи объясняет, почему сильно написанную книгу нужно читать медленно, а плохонький детектив проглатывается мгновенно. Отсюда же следует элементарный совет преподавателям: после каждой новой идеи нужно давать время на осознание – иначе никто ничего не усвоит.

Поэтому не стоит строить урок или лекцию чересчур плотно; если вы понятно рассказали слишком много новых вещей, и слишком быстро, вы просто сотрясали воздух.

Но, если СПИДом болеют один раз, то идея, заразившая человека, может давать многократные и даже регулярные вспышки. Ольга Т-ва: "Мне хочется рисовать периодами. Как захочется рисовать, я все перерисую, все, что можно. А потом опять не хочется."

Назовем это эффектом мерцания идеи. Красивейшие мерцания всех тонов и оттенков протягиваются сквозь наши жизни как елочные гирлянды – или проходят как трассирующие пули. И кто знает, может быть переплетение этих мерцаний и образует смысл жизни?

1.5. СТЫД КАК ПРИВИВКА ОТ ЗЛА.

а) Что такое стыд

Стыд – чувство замешательства или унижения когда недостатки или проступки, скрытые раньше, становятся известными другим или себе. То есть, любой стыд – это стыд перед кем-то, в частности, перед самим собой.

Стыд может быть очень сильным.

В 307 году до нашей эры философ Диодор умер от стыда во время философского спора, не сумев решить логическую проблему, предложенную Стилпоном. Но это не единственный случай смерти от стыда: стыд – причина огромного множества самоубийств.

Чтобы избежать стыда быть плененными, японцы совершали харакири. Точно также они поступали и тогда, когда считали себя виновными в чем-то. Наши очень далекие предки, еще не вполне разумные, имели удивительный, по нашим меркам, способ казни – они изгоняли из своего стада провинившегося и он умирал. Именно из-за общественного отвержения, то есть от стыда. Не в когтях хищников, не от голода и жажды – он просто не мог жить. Ему даже не приходилось делать харакири, как японцам.

К сожалению, стыд почти не изучается психологией, и еще меньше другими науками. Гораздо проще, наверное, изучать какие нибудь когнитивные перцепции или мультифакторные

корреляции. И это кажется удивительным, потому что стыд в нашей жизни встречается постоянно и он, безусловно, важнее вышеуказанных корреляций. Особняком стоит теория Фрейда. Некоторые рассуждения о стыде можно найти в этических трактатах. И часто эти рассуждения не выдерживают критики.

Например, утверждается, что чувство стыда – это безусловное отличие человека от низшей природы, так как ни у каких животных стыда нет ни в какой степени, а у человека он появляется с незапамятных времен.

Но ничего подобного, – стыд у животных есть и элементарно наблюдаем, если правильно к этому подойти. Вы не видите стыда диких животных, потому что они всегда смогут от вас спрятаться, если делают что-то, что заставило бы их стыдиться. Если же они не знают, что вы за ними наблюдаете, то стыдиться не будут: любой стыд есть стыд перед кем-то. А если вы наблюдаете свое домашнее животное, то оно не стыдится вас, потому что вы для него не посторонний – точно так же супруги не стыдятся друг друга после нескольких лет совместной жизни. Но посмотрите хотя бы на кошку, которая ранней весной радостно катается по траве, подставляя первому весеннему солнцу животик, на чужую кошку. Она сразу же прекращает играть, потому что стыдится вас. И более того – она ведет себя совсем по-человечески: она ПРИТВОРЯЕТСЯ, что не играла, а была занята делом.

Устыдившись, она начинает играть роль для зрителя, для

вас. И вы на ее месте поступили бы точно так же, если бы катались по траве и были застигнуты посторонним человеком.

Дальше, очень часто стыд сводится лишь к сексуальному стыду или стыду обнаженного тела. И, вроде бы, животные не стыдятся полового акта, а человек стыдится. Животные не стыдятся ходить голыми, а человек стыдится. И это, якобы, означает, что духовное начало в человеке заставляет стыдиться животных инстинктов. То есть, зарание предполагается, что все сексуальное – грех, а потом оказывается, что душа человеческая стыдится греха.

Но и древние Греки, и Римляне, и многие другие народы купались, загорали, гуляли и занимались спортом совершенно голыми. Ходить голым по нудистскому пляжу тоже не стыдно для нудистов и почти не стыдно для новичков. О половом акте я скажу чуть позже.

"Самостоятельное и первоначальное значение чувства стыда было бы устранено", – пишет, например, Соловьев, – "если бы удалось связать этот нравственный факт с какою-нибудь материальной пользой для особи или рода в борьбе за существование. В таком случае стыд можно было бы объяснить как одно из проявлений инстинкта животного самосохранения – индивидуального или общественного. Но именно такой связи и не возможно найти. У животных, покорных инстинктам, не бывает никаких вредных для самосохранения излишеств, но человек, вследствие большей силы индивидуального сознания и воли, получает возможность

таких злоупотреблений, и вот против самых пагубных из них – половых – развивается у него на общих основаниях естественного подбора полезный противовес

– чувство стыда. В человечестве это чувство имеет то принципиальное значение, что им определяется этическое отношение человека к материальной природе.

Человек стыдится ее господства в себе или своего подчинения ей и тем самым признает, относительно ее, свою внутреннюю самостоятельность и высшее достоинство, в силу чего он должен обладать, а не быть обладаемым ею."

В данном случае заранее предполагается греховность сексуального, (а почему, собственно говоря, сексуальность "пагубна"? – что в ней такого страшного?) потом стыд связывается с сексуальностью и в результате мы приходим к выводу, что сексуальное греховно.

К тому же, на самом деле прекрасно видна связь, которой якобы невозможно найти: связь между стыдом и инстинктом самосохранения. Кошка, которая играла, но перевернулась на лапы при приближении незнакомца, тем самым перешла из состояния БЕЗЗАЩИТНОСТИ в состояние ЗАЩИЩЕННОСТИ.

Везде, где мы встречаем стыд, мы находим и беззащитность. Стыд произошел из беззащитности и человеческий СТЫД ЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НА БЕЗЗАЩИТНОСТЬ.

По этой причине стыдятся чужих людей: от них можно

ожидать враждебности в любой момент. (Ребенок начинает стыдиться месяцев в шесть – когда научился хорошо отличать своих от чужих.) Можно гораздо сильнее стыдиться слов "я люблю", чем самого разнузданного поведения в постели. Проститутка из одного американского фильма говорила, что стесняется целоваться в губы, хотя со всем остальным у нее не было проблем. Когда еще более беззащитен человек, чем в момент признания в любви или поцелуя?

Сексуальный стыд связан в первую очередь (но не только) с тем, что во время полового акта человек довольно беззащитен: и физически и морально. Физически он не может оказать сопротивления возможному нападению, а морально он беззащитен перед насмешками посторонних людей. Если вы считаете, что обезьяна в лесу, полном леопардов, не спрячется от них во время полового акта, то вы ошибаетесь.

А люди могут вести себя пострашнее, чем леопарды.

А теперь попробуйте ответить на вопрос: почему красивые девушки меньше стесняются раздеваться на пляже, чем плохо сложенные?

б) Боль телесная и моральная.

Разумеется, животные стыдятся не так сильно и не так часто, как человек.

Но это объясняется тем, что животному можно причинить лишь физическую боль, а человеку боль неизмеримо более сильную – боль **МОРАЛЬНУЮ**. Например, вы сидите в кресле стоматолога, борма машинка сверлит ваш зуб и заде-

вает нерв. Вам больно, вы вскрикиваете. Но уже через пять минут все в порядке и вы забыли эту боль. Но вот вы идете и хулиган сбил с вас шапку, засмеялся и ушел. В каком случае вам больнее? Физическая боль часто вообще ничего не значит. Например, старушки с садистическими наклонностями с удовольствием перемывают вам косточки так, чтобы вы слышали – и вам больно, при полном отсутствии физической боли. Или такая же старушка в общественном транспорте едва войдя, заявляет: "Да он никогда не уступит место. Мне ли таких не знать, такие никогда не уступают". После этого вы, разумеется, не уступаете. Да и не нужно было ей ваше место. Она хотела лишь причинить вам боль. Примеры морального садизма мы видим буквально на каждом шагу. Абсолютно недопустимые моральные издевательства приходится терпеть детям от сверстников, заключенным тюрем или насильно призванным солдатам.

Пример отсутствия стыда продемонстрировал однажды директор школы – то есть человек, по определению обязанный сеять разум и добро. На собрании его обвинили в том, что он бил детей, – не редкая практика, но совершенно противозаконная – обвинил его военрук. Военрук показал также несколько заявлений, написанных и подписанных обиженными детьми. Показал, прочел, и сел за первую парту, положив на заявления ладонь. Директор продолжил свое выступление, прошелся несколько раз вблизи передних парт туда-сюда, потом быстрым движением попытался вырвать

заявления, но военрук тоже схватился за листки. В результате заявления были порваны надвое, и верхние половинки остались у директора, что его вполне удовлетворило. Все это происходило на глазах у кабинета, полного педагогических работников, то есть людей, по определению образцово нравственных. Ни малейших признаков стыда директор не проявил.

Заметим очень важный момент: большинство из нас НЕ СУМЕЛИ БЫ ПОСТУПИТЬ ТАК.

Им бы помешал стыд.

Действие стыда: Женщина продает билеты в троллейбусе. Некоторым не дает билета, как и большинство ее профессии. На остановке вагон проверяют инспекторы. Задержали пассажира без билета. Говорят: "Тебе штраф, а ей пишем финансовое нарушение". Однако, пока все держится на словах. Пассажир утверждает, что он платил, но не получил билета. Кондуктор, в принципе, могла бы утверждать, что пассажир отказался платить. В этом случае победил бы тот, кто умеет кричать громче, то есть женщина. Но женщина оказалась неспособна нагло лгать, и говорила лишь, что не помнит. "Так он платил деньги или нет?"

"Не помню". В результате не выиграл никто. Пассажир все же заплатил штраф, а кондуктору записали финансовое нарушение. Возможно, ее уволят. Так почему же она предпочла срединный вариант, который тоже являлся ложью? Потому что трудно сознательно лгать, если перед тобой чело-

век, который знает истину.

Оказаться наглой лгуней в глазах постороннего СТЫДНО; и легче пострадать в материальном плане, чем в моральном. Моральная боль перевешивает совершенно реальные материальные неприятности.

Уже в этом примере мы видим чрезвычайно важное свойство стыда: СТЫД

СПОСОБЕН ПРЕДОТВРАЩАТЬ ЗЛО.

в) Стыд и перевоспитание

Но, продолжая аналогию с болезнью, мы увидим, что стыд действует не столько как "таблетка от зла", а скорее как предварительная прививка.

ПРИМЕР 5. Быстрое перевоспитание.

Однажды я пережил очень острое чувство стыда. Дело было так. Я устроился работать чем-то вроде инженера в одну маленькую фирму. Заранее я знал, что там ведутся всякие темные дела, мне рассказывал об этом друг, который был недавно уволен. Из его рассказов я знал, что директор вор и прохвост и остальные не лучше. Знал и несколько конкретных случаев совершенной подлости. Поэтому, прийдя туда, я ощущал свое явное моральное превосходство. Я ни с кем из этих поганых людей толком не разговаривал и тем более не пытался сойтить. Меня быстро оставили в покое. Моя основная работа была не очень ответственной, но деликат-

ного свойства, и ее результаты касались многих посторонних людей, точнее я говорить не стану. И вот под влиянием всей этой нечестной обстановки я стал вести себя нечестно. Я брал деньги, когда давали, раза два, что-то подтасовывал, что-то где-то привирал и так далее.

Я продолжал ощущать свое моральное превосходство, потому что остальные, по моим сведениям, вели себя хуже. И вот однажды на совещании наш директор выступает и говорит, что открылись многочисленные подлоги, неточности и прочее.

По цифрам и фактам, которые он назвал, я точно понял, что речь идет обо мне. Но он продолжал и сказал, что это просто дело совести виноватого и что они просто перепроверят и исправят все, а виноватого искать не станут. Из последующих выступлений я понял, что все присутствующие в основном честные люди, а я был дезинформировал и вел себя как последний негодяй. Тогда я просто чуть не умер от стыда. Как я мог все это объяснить? Если бы они меня вычислили, а это нетрудно было бы сделать, совсем нетрудно, я бы конечно встал в гордую оппозицию и, чего доброго, убедил себя, что я прав. А так – мне просто сделали прививку стыда. С тех пор я работал в других организациях и выполнял аналогичную работу.

И мне приходилось видеть настоящую нечестность и несправедливость. Но я был защищен от нее раз и навсегда. Однажды пережитый стыд каждый раз вспыхивал перед гла-

зами и я не мог, просто не мог поступить так, чтобы пережить еще раз что-то похожее. То есть мне было уже больно от стыда при одной мысли о возможности обмануть. И с тех пор я абсолютно честен в вопросах работы.

Оказывается это так легко – перевоспитать. У меня сын, который явно нуждается в перевоспитании и наверняка есть какие-нибудь радикальные средства. Я все пытаюсь применить к нему что-нибудь вроде того, что испытал сам. Пока не получается.

При иммунизации человеку обычно вводят либо ослабленный болезнетворный микроорганизм, либо определенным образом переработанный, и это стимулирует иммунную систему. То есть, подобное лечится подобным. Стыд, пережитый человеком однажды, препятствует повторению ТАКОГО ЖЕ поведения, то есть **ДЕЙСТВУЕТ АНАЛОГИЧНО ПРИВИВКЕ**. Стыд может переживаться очень сильно и очень неприятно. Настолько сильно и неприятно, что от стыда можно умереть (как Диодор) или покончить с собой. Даже слабый стыд обычно превешивает материальные выгоды – как в случае с кондуктором троллейбуса. От стыда можно заболеть, как случилось в детстве с одним знаменитым писателем, которому вешали на грудь порочащую его табличку.

г) Способность стыдиться

Способность стыдиться есть у всех, но люди чрезвычайно сильно различаются в этом отношении.

Есть люди, очень чувствительные, вплоть до болезни, к социальному отвержению и стыду, а есть люди самодовольные, практически его не замечающие. Самодовольные, то есть "довольные собой". Люди, образцом для которых могут быть лишь они сами, люди, которые станут прислушиваться лишь к своему мнению, и то, что оно «свое» для них важнее того, что оно может быть верно или неверно. Они восхищаются собственными готовыми мыслями, и хвалят лишь те качества, которыми наделены сами.

Далее, не стыдятся того, кого не уважают, поэтому человек, относящийся более уважительно к другим и себе, будет более способен к стыду. К стыду почти неспособны отъявленные хулиганы – именно потому, что они никого не уважают. Но можно заставить стыдиться и таких. Например, асоциального ребенка изолируют и проводят с ним сеансы психокоррекции. В первые дни он, как может, издевается над присутствующими, ведет себя нагло и вызывающе, ожидая стандартных ответов на свои действия. Но никто не сердится на него, так как здесь его лечат, а не наказывают. С ним обращаются **УВАЖИТЕЛЬНО** и ровно. И вот наступает момент, когда ему вдруг становится стыдно – тогда, когда он начал уважать окружающих и когда их ответное уважение стало представлять для него ценность – то есть, в тот момент, когда он стал действительно **УЯЗВИМ**.

Так что стыду можно научить – но не поучениями и даже не собственным примером, а действительным уважением к

личности. А человек, научившийся стыдиться, будет гораздо меньше способен ко злу, чем бесстыжий. (Напомню, что я говорю не о такой ерунде, как сексуальный стыд, а о стыде из-за собственных недостатков и из-за собственной склонности ко злу.) Уважение к личности – одно из сильнейших лекарств против зла. Но вся система наказания преступников построена на НЕУВАЖЕНИИ. Так что нечего удивляться, что она лишь плодит преступников. Запирать преступников в тюрьмы так же полезно, как запирать тараканов в ведрах с кухонным мусором.

Итак, стыдливость зависит от степени САМОДОВОЛЬСТВА и от степени УВАЖЕНИЯ к себе и к людям. При максимальном самодовольстве и минимальной уважительности уровень стыдливости почти нулевой.

При этом нельзя путать самодовольство и самоуважение. Человек, уважающий себя, никогда не бывает самодоволен, он неудовлетворен собой и постоянно ищет пути к самосовершенствованию.

(Вопрос для тех, кто не понял разницы между самодовольством и самоуважением: есть два человека; один из них любит себя, а другой уважает; обоим предлагают взятку; как они поступят?)

Именно самодовольные и неуважительные люди не стыдятся.

ИМЕННО НЕУВАЖИТЕЛЬНЫЕ И САМОДОВОЛЬНЫЕ ЛЮДИ НЕ ИМЕЮТ ВНУТРЕННИХ БАРЬЕРОВ НА

ПУТИ К СОВЕРШЕНИЮ ЗЛА. Запомним этот вывод.

1.6. ИММУНИТЕТ КО ЗЛУ

Есть такие формы поведения, к которым конкретный человек неспособен (или практически неспособен). Например, большинство людей в обычных жизненных обстоятельствах неспособны убить, причем не только человека, но и животное.

Другие же смогут сделать это без труда. Кто-то не может ударить женщину или вообще любого человека по лицу. В то же время генерал, неспособный ударить женщину по лицу, может оказаться способным убить женщину, если для этого достаточно просто отдать приказ. Я знал женщину, которая была абсолютно неподкупна, встречал людей, которые не ругались, не употребляли спиртного или не могли не сделать ежедневную часовую пробежку – в любое время года и при любой погоде. Есть люди, органически неспособные присвоить чужое. У меня например, есть привычка всегда придерживать дверь в метро и смотреть, не идет ли кто сзади. Эта привычка настолько естественна, что я удивился, когда кто-то меня за это поблагодарил. Я просто не понимал, что можно вести себя иначе. Я стал присматриваться и обнаружил, что, действительно, не каждый придерживает дверь, а только некоторые. Я не знаю, откуда взялась эта привычка и почему она появилась. Я не могу не обернуться и не придержать дверь.

Основной факт состоит в том, что существуют такие поступки, против которых человек имеет иммунитет, то есть не может их выполнить практически ни при каких обстоятельствах.

ПРИМЕР 6. А я-то думал.

У меня есть странное свойство характера, которым иногда люди пользуются.

Достаточно кому-нибудь произнести: "А я-то думал...", как я чувствую, что не могу отказать этому человеку. Может быть, если будет идти дело о чем-то страшно важном, например о жизни и смерти, или о большом состоянии, или о предательстве Родины, я смогу пересилить себя. Но при этих словах во мне проявляется какая-то особенная жалость, так что я готов помочь человеку чем угодно. Я просто весь раскисаю. Я совершенно точно знаю, откуда взялась эта странная привычка, или не привычка, не знаю как ее назвать.

Мне было примерно четыре года и я ехал на трехколесном велосипеде. Была весна, потому что пахло теплым асфальтом и травой. Рядом шли женщины и я слушал их разговор. Так вот, они рассказали жуткую историю, как мать по неосторожности убила своего маленького мальчика. Последние слова ребенка были: "а я-то думал...", то есть он думал, что его наказывают за плохое поведение. На самом деле виновата была мать, в чем она напоследок ребенку и призна-

лась. Когда я услышал эту историю, то стал неудержимо реветь, и с тех пор не могу спокойно слышать этих слов. "А я-то думала, ты сходишь в магазин вместо меня", – говорят мне и я иду.

Поведение человека может измениться раз и навсегда от различных причин.

Вспомните «Отверженных» Виктора Гюго. Преступник ворует серебрянные подсвечники в доме священника, который приютил его на ночь, то есть совершает вопиющую неблагодарность. На следующее утро его ловят и приводят к священнику, но тот отвечает, что подсвечники он этому человеку подарил. Вора отпускают. Священник сообщает вору, что не просто отдает ему подсвечники, а покупает за это серебро его душу. И действительно, после это случая вор становится честным человеком.

То есть, с этого дня он имеет ИММУНИТЕТ к некоторым формам криминального поведения. Здесь подмечен один реальный факт: неожиданное воздаяние добром за зло является мощным приемом психокоррекции – но только в том случае, если добро не может быть расценено, как признак слабости.

Постепенно, но навсегда, изменяют свое поведение супруги, притирающиеся друг к другу за годы семейной жизни. Что бы ни случилось, они уже не станут прежними. Изменяют свое поведение и люди, зараженные фанатоидом – мощ-

ной идеей, провоцирующей фанатичное поведение. О свойствах такой идеи мы поговорим позже.

Большинство людей имеют иммунитет ко лжи, но не к любой, а ко лжи определенного уровня.

Выделим три уровня лжи:

а) Ложь первого уровня: неосознанная ложь, при которой человек лжет, но не понимает, что лжет. Например, так лжет ребенок, рассказывая о том, что у него в бассейне водятся дельфины. Так лжет хороший актер, полностью войдя в роль и ощутив себя, например, Макбетом. Так лжет параноик, утверждающий, что за ним гонятся террористы, и так далее. Назовем этот уровень: "слепая ложь".

б) Ложь второго уровня: человек лжет, полностью отдавая себе отчет в том, что он лжет, и знает, ради чего он это делает. Например, так лжет жена, изменившая мужу, рассказывая, почему задержалась. Так лжет мошенник, рекомендуя вам купить лотерейный билетик. Назовем этот уровень: "тайная ложь".

в) Ложь третьего уровня: человек лжет и знает, что лжет, и знает, что его собеседник или слушатель также знает, что он лжет. Так лжет политик, утверждая перед толпой, что NN предатель, хотя все присутствующие (и он первый) прекрасно знаят, что это не так (читай "Скотный двор" и «1984» Оруэлла). Назовем этот уровень: "гнусная ложь".

Сделав эту простую классификацию, мы сразу видим чрезвычайно интересное явление: люди четко подразделя-

ются на тех, кто способен или к слепой лжи, или к тайной, или к гнусной. Например, человек, способный лишь к слепой лжи, не сможет солгать в ответ на прямой вопрос типа: "ходил ли ты сегодня к врачу?".

Однако, часто жизнь требует от него лжи более высокого уровня. Просто замечателен способ, которым он выкручивается из этой ситуации. Легче всего это наблюдать на примере детей.

Послушный ребенок знает, что он должен чистить зубы перед сном. Мать знает, что ребенок никогда не солжет на прямой вопрос. Ребенок же чистить зубы не хочет. Он идет в ванную комнату, смачивает зубную щетку, подносит ее ко рту и снова откладывает. После этого он с легкой душой отвечает на вопрос матери:

"чистил". С помощью оправдательного действия тайная ложь превратилась в слепую, то есть, в ложь более низкого уровня. Ребенок, который не хочет учить уроки, открывает книгу и снова закрывает. Мать говорит ему: "Ты сегодня даже книгу не открывал." Открывал!", – отвечает он и бежит гулять. Ребенка отправляют куда-то с неприятным поручением. Он приходит, слегка толкает дверь и, – о, радость! – дверь вроде бы не открывается. Он, ради самооправдания, еле-еле толкает ее еще раз и радостно спешит домой, и там заявляет: "Я стучал, мне не открыли, никого не было дома". Хотя достаточно было громко постучать.

Аналогично ведет себя и взрослый человек, который бе-

рется за дело, которое считает заведомо безнадежным – берется лишь для того, чтобы потом сказать, себе и другим: "Я сделал все, что мог. Я старался."

Стремление перейти на более низкий уровень лжи характерно не только для отдельных людей, но и для организаций и даже для целых государств. Например, ни при каких условиях невозможно обеспечить ВСЕОБЩЕЕ среднее образование – всегда найдутся люди, абсолютно неспособные к одиннадцатилетнему (теперь 12-летнему) обучению. Однако уровень всеобщего среднего образования объявляется достигнутым, несмотря на то, что определенный процент подростков в школах занимается чем угодно, но только не учебой и МЕШАЕТ (еще как мешает!) учиться всем остальным. Для лучшего сокрытия этого факта существует система вечерних школ, в которых те же неблагополучные подростки тупеют еще больше и уж никак не учатся. Однако, они получают документ о среднем образовании – так государство переходит на уровень слепой лжи: теперь подросток, который не учился и ничего не знает по программе, будет уверен, что действительно получил среднее образование. Верят этому и окружающие.

На низший уровень можно перейти и с уровня гнусной лжи. Например, политик, во имя некоторой, предположительно "высшей", цели объявляет реальный факт несуществующим. В процессе длительных публичных заклинаний он постепенно внушает себе самому, что факт действительно

не существовал и с этого момента начинает заклинять еще более рьяно, поверив собственной выдумке. Теперь даже детектор лжи не смог бы уличить его.

Соответственно этому возможны три уровня причинения зла: слепое, тайное, и гнусное зло. И снова мы находим людей, способных лишь к одному из них.

Генерал, отдающий приказ убить женщину, но неспособный ее ударить, легко совершает тайное зло, но боится гнусного. Невыдуманный случай: Во время несложной операции хирург несколько раз пытался применить общий наркоз, но пациент не засыпал. С каждым разом хирург сердился все сильнее. "Ты сам виноват", – сказал он пациенту и начал резать без наркоза. "Ты сам виноват", – таким образом гнусное зло становится слепым.

Люди бы не устраивали все эти хитроумные фокусы с собственным поведением, если были бы способны ко всем формам зла или лжи. А значит, есть такие разновидности зла, – не обязательно жуткие, мерзкие или чрезмерно жестокие, – к которым мы имеем хороший ИММУНИТЕТ; мы не можем совершить это зло даже когда хотим. Поэтому приходится выкручиваться и искать окольные пути.

Но ведь это отлично!

Это значит, что ЗЛО ИЗЛЕЧИМО. А не только наказуемо, как повсеместно считается сейчас.

1.7. ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАРАЖЕНИЯ И ОТВРАЩЕНИЕ

Один юморист, говоря о странностях характера, задавал вопрос: почему мы довольно спокойно относимся к комарам, которые пьют самое дорогое у нас, и ненавидим тараканов, которые никого не тогают. Вопрос вызывал смех в зале. А ведь на самом деле поведение людей в этой ситуации очень логично. Мы чувствуем отвращение к таракану, но не к комару. Нам отвратительно задавить пальцами муху, но мы без всякого отвращения может задавить комара. Мы можем позволить божьей коровке ползать у нас по ладони и нам даже это нравится, а вот клопа-солдатика, такого же маленького и красиво раскрашенного, сразу же стряхнем с пальцев. Мы чувствуем отвращение к гусенице и не чувствуем к бабочке. Мы в ужасе убегаем от огромного паука и ловим пальцами краба того же размера. Мы с удовольствием едим раков и омаров, которые очень напоминают насекомых, а можете ли вы представить огромное насекомое в своей тарелке? Основной факт очень прост: мы испытываем отвращение к тому, что является или может оказаться носителем ЗАРАЗЫ. Тараканы, мухи и некоторые другие насекомые – обычные разносчики заболеваний, поэтому они нам отвратительны; даже убивать их отвратительно – легче всего отойти от них или прогнать, то есть не вступать ни в какой контакт. Отврати-

тельно мертвые тела, особенно давно мертвые, отвратительна зеленая слизь и некоторые запахи, отвратительны на вид некоторые кожные болезни, отвратительна грязь.

Но точно также дело обстоит и с моральным отвращением – то есть с отвращением к носителям **МОРАЛЬНОЙ ЗАРАЗЫ**. Это могут быть определенные идеи или предметы, в которых идеи воплощены. Что именно и насколько сильно отвратительно – это дело вкуса; разные люди называют разные вещи, я могу сказать что отвратительно лично мне.

Лично мне отвратительно все, что заражает примитивизмом, я могу вспомнить даже несколько случаев острого отвращения: когда в серьезной статье съезд назвали «тусовкой» и когда некая имиджмейкер приказала улыбающемуся актеру "показать зубки". Противны попсовые песни, типа "девчонки короткие юбочки", но не все, а лишь самые заразные – которые в несколько дней начинают звучать на каждой улице города. У меня даже есть особое чутье на ту песню, которая станет популярной всего за день ли два и навсегда умрет не более, чем через месяц – эти песни наиболее отвратительны и чувство отвращения меня еще ни разу не обмануло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.